

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

176

СРЕДНЯЯ АЗИЯ И КAVKAZ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1983

разнообразен набор бус в ожерелье — из сердолика, перламутра, коралла, а также стеклянные редкой формы. В могиле найден небольшой кувшинчик, покрытый красным ангобом. На поверхности его процарапано несколько тамгообразных знаков. Могила ограблена. В другой катакомбе найдены случайно уцелевшие тонкие пластинки листового золота. В катакомбах хоронили древние скотоводы.

Проведенные работы позволяют точно зафиксировать границы расселения оседлоземледельческого населения и древних скотоводов. В Опском оазисе курганы начинаются в 5 км от Акбуринской крепости — укрепленного городища этого периода, служившего форпостом земледельцев на южной границе оазиса.

VII этап — средневековый период (IX—XII вв.) в истории оазиса — хорошо известен по данным письменных источников и достаточно полно представлен в коллекции, собранной в котловане при строительстве Опского пединститута и в других пунктах. К этому периоду относится единственное сохранившееся на территории Оша архитектурное сооружение — мавзолей Асафа ибн-Бурхия, построенный в караханидскую эпоху и неоднократно перестраиваемый.

VIII этап — позднесредневековый период. К нему относятся остатки построек северного пригорода Оша, обнаруженные по материалам аэрофотосъемки К. В. Шишкиным. Для проверки на одном участке хлопкового поля заложили шурф, и в нем на глубине 80 см нашли поливную керамику XV—XVI вв., такую же, как и на поверхности.

В изложенной периодизации древней и средневековой истории Опского оазиса, отражены основные итоги пятилетних археологических исследований. Особый интерес вызывают начальные этапы формирования и становления центра оазиса, основные вехи исторического развития г. Оша — одного из древнейших в Средней Азии.

¹ Бернштам А. Н. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. Фрунзе, 1943; *Он же*. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. — МИА, 1952, № 26.

² Пошко А. Археологические работы музеев в СССР за 1955—1956 гг. — СА, 1957, № 4, с. 296.

³ Юнусалиев М. Б. В глубь тысячелетий по долинам Киргизстана. Фрунзе, 1970.

⁴ Заднепровский Ю. А. Опское поселе-

ние бронзового века. — ИАН КиргССР, 1981, № 2.

⁵ Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы. — МИА, 1962, № 118; *Он же*. Чустская культура Ферганы и памятники раннежелезного века Средней Азии: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1978.

⁶ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки...

⁷ Горбунова Н. Г. Культура Ферганы в эпоху раннего железа. — Арх. сб. ГЭ. Л., 1962, вып. 5.

В. И. РАСПОПОВА

ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЖИЛИЩА ДРЕВНЕГО ПЕНДЖИКЕНТА

Задача планомерного исследования городского жилища эпохи раннего средневековья на территории Согда поставлена не только лишь в Пенджикенте. На Афрасиабе раскопаны части нескольких домов, которые дали очень интересный материал и оказались во многом аналогичными пенджикентским¹. Поэтому можно предполагать, что жилищная застройка Пенджикента вообще типична для согдийских городов. Темой самостоятельного исследования стала жилищная застройка Шахристана в соседней с Согдом Уструшане². В Фергане, в пригороде Кувы, раскопаны целые кварталы VII—VIII вв.³ В Хорезме, на Топрак-кале, исследован один жилой квартал IV — начала VI вв.⁴ Большие раскопки проведены на Калаи-Кафирниган в Южном Таджикистане, где выявлены богатое и рядовые жилища⁵.

Изучению пенджикентского жилища посвящены прежде всего работы Б. Л. Ворониной⁶. Опубликованы отчеты о раскопках отдельных участков жилых кварталов О. Г. Большаковым, Б. Я. Стависким, Е. В. Зеймалем, Б. И. Маршаком⁷. В этих отчетах большое внимание уделено вопросам методики исследования жилищ. В книге «Средневековый город Средней Азии»⁸ А. М. Беленицкий обобщил работы по изучению жилищ Пенджикента.

Пенджикент возник в V в. как городское поселение с цитаделью, храмами и крепостной стеной.

Наиболее ранние жилища относятся к концу V — началу VI в., но ни одно из них не раскопано полностью⁹. Насколько можно судить по двум жилищам на XII объекте, в это время не было сплошной застройки. Расстояние между исследованными домами 14 м. Отдельные дома имели массивные фасадные стены (около 2 м толщиной) и тонкие внутренние перегородки. Помещения были площадью от 3 до 10 кв. м.

В первой половине VI в. на некоторых участках древнего города складывается сплошная застройка блоками из примыкающих друг к другу отдельных жилищ. Целиком исследовано одно жилище и частично раскопками затронуто шесть (объект XII). Первоначально все они были одноэтажными, но еще на протяжении VI в. были возведены вторые этажи, устроены сводчатые комнаты. В жилище, исследованном полностью, было шесть помещений площадью от 7 до 15 кв. м. Участок, на котором находился этот дом, занимал 90 кв. м. В жилище со сводчатым перекрытием найдены грузики от небольшого ткацкого станка. В двух жилищах небольшие комнаты площадью 8 и 9,5 кв. м имели перекрытия на четырех колоннах. Высота помещений первого этажа была 1, 8—2 м. К VI в. относится самое раннее жилище с росписью. Оно находится на объекте VI на территории, вошедшей в состав города на рубеже V—VI вв. Отдельные стены этого дома сохранились включенными в толщу более поздних стен. В отличие от более поздних помещений с живописью здесь высота стен от пола до потолка 2 м. В этом жилище имеются следы росписи и на остатке стены второго этажа.

Как показали работы на объектах XVI и XXII, в VI—VII вв. наряду со сплошными жилыми массивами существовали отдельно стоящие дома, которые к рубежу VII—VIII вв. были включены в сплошную застройку.

К первой половине и середине VII в. относятся только отдельные поселения, раскопанные на XII и VII объектах. В двух из этих помещений прослежены деревянные колонны с профилированными базами. Следует отметить, что к этому же времени относится ювелирная мастерская на XII объекте, представляющая собой изолированное от жилых комнат помещение¹⁰.

На объектах XXIII и XXIV целиком исследованы жилища, относящиеся ко второй половине VII в. Это — двухэтажные дома, входившие в кварталы сплошной застройки. Они принадлежали лицам разного социального статуса. Это — как небольшие дома из трех комнат, так и обширные постройки с залами, украшенными росписями, на первом и втором этажах. Возможно, что застройка этого времени раскопана и в других частях городища, например комплексы I и II на объекте VI. Но там датировку еще предстоит уточнить.

Таким образом, мы видим что пенджикентское жилище с V по VII в. претерпело значительные изменения. Ранние городские дома по своим масштабам и по простоте конструкции были гораздо скромнее домов второй половины VII и VIII вв. Самые ранние из исследованных домов сохраняли черты отдельных усадеб. В VI в. уже наблюдается сплошная застройка кварталов и рост города в высоту — появляются верхние этажи.

На протяжении VI—VII вв. складываются те элементы жилой застройки, которые мы наблюдаем в их совокупности в городе первой четверти VIII в. Это поквартальная застройка, увеличение этажности, о чем уже упоминалось, а также выделение парадных залов, украшение частных домов росписью и выделение специализированных лавок-мастерских.

На первую четверть VIII в. в Пенджикенте приходится строительство дворца Деваштича, большого количества богатых и рядовых домов, многочисленных лавок и мастерских, составляющих целые базары¹¹. На то же время приходится широкое распространение росписей и резного дерева, причем росписи есть в домах людей разного достатка и даже в отдельных рядовых домах. Для этого времени мы имеем уже массовый материал по жилищам.

Для первой четверти VIII в. вся исследованная жилая застройка, за редким исключением, выполнена технически на одном и том же уровне. Дома отличались друг от друга числом и размером комнат. В Пенджикенте не было лачуг бедноты, что свидетельствует о зажиточности городского населения Согда.

В 720-х годах город был разгромлен и пережил период запустения. Около 740-го года часть жителей вернулась и восстановила большую часть жилого фонда города, причем согдийцы восстанавливают свои жилища по-старому, часто с живописью и с изображениями языческих богов. Следует отметить, что некоторые дома при восстановлении города в середине VIII в. строятся заново. В некоторых домах помещения с росписью не были отремонтированы, в других, напротив, заново расписали целые залы. Однако город не достиг уровня первой четверти VIII в. В нем появились пустыри на месте базаров, целые дома стояли в развалинах.

Позднее, в третьей четверти VIII в., видимо в связи с исламизацией, намеренно уничтожаются росписи и домашние алтари. В это время жилища знати пустеют или превращаются в рядовые дома. Это связано, вероятно, с тем, что местная знать при первых Аббасидах идет на службу к арабам и переселяется в большие города — резиденции наместников. Мелкие согдийские города, каким был Пенджикент, теряют свое значение как центры общественной жизни.

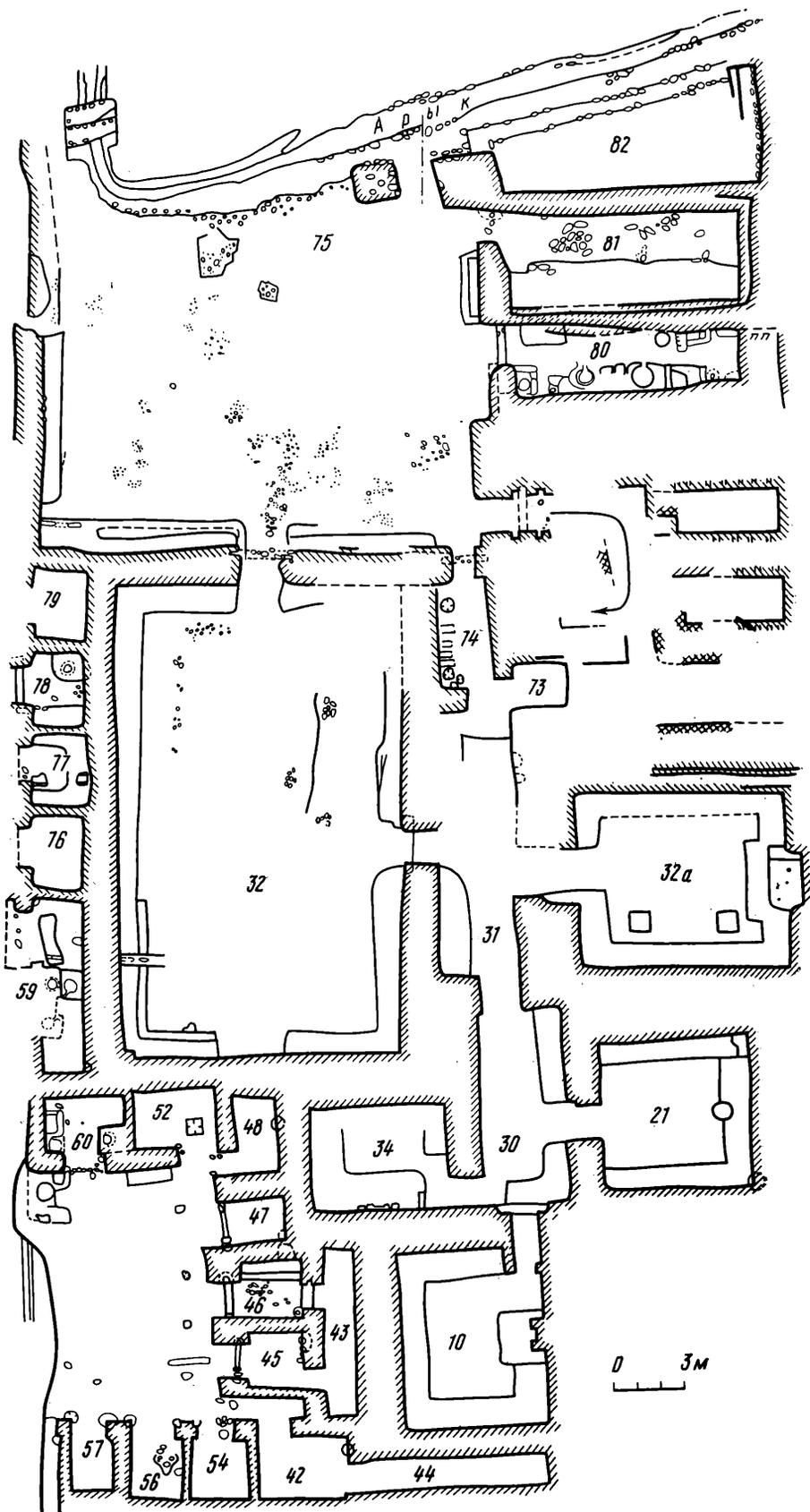
К концу третьей четверти VIII в. происходит окончательное запустение территории города.

При исследовании жилищ разных периодов наблюдаются их переделы, связанные с разными причинами. Во все периоды имели место разделы домов, что можно связать с разделением семьи или с продажей дома по частям. Наблюдаются иногда сложные переделы, охватывающие до трех домовладений. Наибольший интерес с точки зрения социальной истории представляет присоединение к дому богатого горожанина жилища его рядового соседа¹².

Пенджикентские жилища наиболее изученного времени первой четверти VIII в. дают прекрасный материал для выяснения социальной стратификации согдийского общества. Очень четко выделяются крупнейшие жилища земельной и купеческой аристократии и скромные жилища «работников» (ремесленников и мелких торговцев). По характеру помещений и их декору к жилищам знати близки достаточно многочисленные дома значительно меньшей площади. Основная часть этих домов, видимо, принадлежала землевладельцам и купечеству среднего достатка.

На цитадели Пенджикента, отделенной от шахристана глубоким рвом и окруженной крепостной стеной, находился дворец правителя. Во дворце раскопан тронный зал, парадные коридоры и айван и три четырехколонных зала, т. е. раскопана парадная часть дворца¹³. О жилых покоях дворца судить пока трудно. Чем же отличается дворец от богатого жилища? Во-первых, тем, что он расположен в системе оборонительных сооружений цитадели, во-вторых, наличием нескольких одинаковых по архитектурно-планировочному решению залов. Это характеризует дворец как гипертрофированно богатое жилище.

На территории Шахристана выделяются из общей застройки два дома, которые по размеру и составу помещений приближаются к дворцу правителя Пенджикента. Это жилище, занимающее северо-западную часть объекта XVI (рис. 1), и объект XXI¹⁴. Объект XXI расположен позади храма II, а северная часть объекта XVI выходит на улицу, проходящую вдоль южной ограды храма I. Площадь, занятая основным домовладением объекта

XXI, 1142 кв. м, тогда как домовладение на объекте XVI занимало около 2100 кв. м. Отметим, что вся территория окруженного стеной Шахристана не превышала 13,5 га. План каждого из этих домов делится на функционально различные части: 1) сравнительно небольшое жилище семьи из нескольких помещений первого и второго этажей (сюда включены и кладовые); 2) парадная часть с квадратным (или прямоугольным с прямоугольной же апсидой) залом, коридором перед ним, помещением с пристенным очагом-алтарем и одной-двумя дополнительными комнатами; 3) выходящие на улицу лавки и мастерские, построенные вместе с остальными частями домов, но не сообщавшиеся с внутренними помещениями. Кроме этих трех частей, имеется четвертая, расположенная между входом и парадной частью, функции которой менее очевидны. На объекте XXI в нее входит многоколонный зал площадью 177 кв. м и примыкающие к нему помещения, а на объекте XVI — зал площадью 250 кв. м и большой двор (площадью около 280 кв. м). Для сравнения отметим, что и тронный зал во дворе Деваштича имел площадь около 250 кв. м. Именно дополнительные большие залы сверх обычных в богатых домах парадных залов являются наиболее специфической чертой двух самых больших домовладений. Эти залы и двор могли служить для многолюдных собраний. Некоторые помещения четвертой внешней части домовладений играли роль кухонь, а другие, по-видимому, — роль людских для слуг хозяев.

Следующий уровень по степени богатства представлен тремя домовладениями (на объектах III, VII и XVI) площадью 575—800 кв. м. В этих домах жилая и парадная части такие же, как в самых больших, но у них нет дополнительных залов. Затем следует семь домовладений площадью 330—500 кв. м. У них, как правило, меньше парадная часть. Самые маленькие парадные залы с живописью имеют площадь всего 30 кв. м. У ряда домов этой группы есть торгово-ремесленные помещения, не сообщавшиеся с внутренними комнатами дома. С уменьшением общей площади, естественно, оказывается меньше жилая часть, однако это уменьшение идет гораздо медленнее, чем уменьшение всей территории домовладения, которое происходит прежде всего за счет уменьшения других частей плана.

Планы жилищ рядовых пенджикенцев представляли собой более или менее упрощенный вариант структуры, нашедшей полное воплощение в планах богатых домов. В первой четверти VIII в. рядовое домовладение занимало среднюю площадь около 60 кв. м, хотя и были дома в полтора раза больше. Парадные комнаты здесь обычно являлись одновременно и жилыми. Только в одном таком доме с тремя комнатами по первому этажу открыты следы живописи в специальной нише. Некоторые помещения снабжены четырьмя столбами, имитируя план парадных залов, но они небольших размеров и лишены декора.

Более или менее богатые жилища с живописью составляют почти треть исследованных домовладений. Показательно, что, как правило, рядовые горожане не имели при домах ни лавок, ни мастерских. Торгово-ремесленные помещения они, вероятно, были вынуждены арендовать у своих богатых сограждан.

Структура застройки пенджикентского городища отражает развитую общественную жизнь.

Рис. 1. Пенджикент. Объект XVI. План самого крупного домовладения Пенджикента

10, 34 — помещения с пристенными алтарями; 21 — парадный зал; 30, 31 — парадные коридоры; 32 — многоколонный зал; 32а — парадный зал с четырьмя колоннами; 42—48, 52—54, 56, 57, 60 — помещения базара; 59, 76—79 — торгово-ремесленные постройки у западного фасада дома; 73 — хозяйственные постройки; 74 — коридор, использовавшийся как хозяйственное помещение; 75 — парадный двор; 80 — кухня; 81 — «людская»; 82 — торгово-ремесленное помещение у северного фасада дома; без номера — пандус и два сводчатых помещения у восточной границы дома

- ¹ *Шишкин В. А.* Афрасиаб — сокровищница древней культуры. Ташкент, 1966, с. 12; *Шишкина Г. В.* Работы Афрасиабской экспедиции.— АО, 1979 г. М., 1980, с. 461; *Альбаум Л. И.* Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975, с. 11, рис. 3.
- ² *Аваалов Р. Э.* О квартальной структуре Бунджиката.— В кн.: Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана: Тез. Всесоюз. науч. конф. в г. Пенджикенте ТаджССР, 26—31 августа. Душанбе, 1977, с. 81—83.
- ³ *Булагова В. А.* Древняя Кува. Ташкент, 1972, с. 18—50.
- ⁴ *Итина М. А.* Проблемы археологии Хорезма.— СА, 1977, № 4, с. 50; *Неразик Е. Е.* Раскопки городища Топрак-кала.— КСИА, 1972, вып. 132, с. 23—30; *Nerazik E. E., Rapport Ju. A.* Die Festung Toprak-Kala in Choresmien.— Das Altertum, 1978, Bd. 24, H. 2, S. 84—88, Abb. 5, 7.
- ⁵ *Литвинский Б. А.* Токкуз-кала.— АО, 1975 г. М., 1976, с. 566—567; *Он же.* Древний и раннесредневековый Калай-Кафирниган.— АО 1977 г. М., 1978, с. 558—559.
- ⁶ *Воронина В. Л.* Изучение архитектуры древнего Пенджикента: По материалам раскопок 1947 г.— МИА, 1950, № 15, с. 189—192; *Она же.* Архитектурные памятники древнего Пенджикента.— МИА, 1953, № 37, с. 99, 105—132; *Она же.* Городище древнего Пенджикента как источник для истории зодчества.— Архитектурное наследство. М., 1957, т. VIII, с. 115—128, 136—140; *Она же.* Архитектура древнего Пенджикента: (Итоги работ 1952—1953 гг.).— МИА, 1958, № 66, с. 196—215; *Она же.* Раннесредневековый город Средней Азии.— СА, 1959, № 1, с. 97—98; *Она же.* Архитектура древнего Пенджикента: (Результаты раскопок 1954—1959 гг.).— МИА, 1964, № 124, с. 51—65; *Она же.* Проблемы раннесредневекового города Средней Азии (по данным археологии).— Автореф. дис. ... доктор. ист. наук. М., 1960; *Она же.* Черты раннесредневекового жилища Средней Азии.— СЭ, 1969, № 6.
- ⁷ *Большаков О. Г.* Отчет о раскопках северо-восточной части объекта III (комплексы I, II, раскопки 1952—1956 гг.).— МИА, 1964, № 124, с. 88—120; *Ставиский Б. Я.* Раскопки квартала жилищ знати в юго-восточной части Пенджикентского городища (объект VI) в 1951—1959 гг.— МИА, 1964, № 124, с. 121—181; *Зеймаль Е. В.* Раскопки объекта XIV на Пенджикентском городище (1956, 1957 гг.).— Там же, с. 244—264; *Маршак Б. И.* Отчет о работах на объекте XII за 1955—1960 гг.— Там же, с. 182—243.
- ⁸ *Беленицкий А. М., Бенгович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 25 и сл.
- ⁹ Описания ранних жилищ, раскопанных на объекте XII, составлены по отчету Б. И. Маршака. См.: *Маршак Б. И.* Отчет..., с. 182—243.
- ¹⁰ *Распопова В. И.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980, с. 42—44, рис. 29—30.
- ¹¹ *Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И.* Согдийский город в начале средних веков (итоги и методы исследования древнего Пенджикента).— СА, 1981, № 2, рис. 4.
- ¹² *Рахматуллаев И.* Зернохранилище начала VIII в. в Пенджикенте.— УСА, 1979, вып. 4, с. 59.
- ¹³ *Исаков А. И.* Цитадель древнего Пенджикента. Душанбе, 1977, рис. 3, 31, 32, с. 118—121.
- ¹⁴ План объекта XXI опубликован в работе В. И. Распоповой «Металлические изделия раннесредневекового Согда» (рис. 25).